

ОТКРЫТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ СТОЛОВЫХ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1917-1920 ГГ.

Алексей Николаевич ФЁДОРОВ

Институт российской истории РАН
140200, Московская область,
г. Воскресенск, ул. Кагана 28/8 - 67.
Тел.: +7 (496) 441 48 35
e-mail: ale15226656@yandex.ru

Трудно поставить себя на место другого человека, у которого случилось несчастье, какое-нибудь крупное горе. Еще труднее это сделать, когда такие несчастья происходят в жизни человека каждый день на протяжении нескольких лет. Цель данной статьи показать страдания и лишения, которые привнесли 1917-1920 гг. в жизнь простого человека, когда Россия жила в условиях внешней и внутренней войны. Самой главной проблемой становилось отсутствие достаточного для всех количества продовольствия, от чего больше всего страдало население крупных городов. Особое внимание автора было обращено на складывание такого важнейшего элемента социальной инфраструктуры города, как система общественного питания.

Ключевые слова: Советская Россия, общественное питание, столовая, социальная инфраструктура, продовольственный вопрос

Любой событийный отрезок истории продолжительностью всего лишь в несколько лет занимает ничтожно малое место в хронометре всеобщей истории человечества. Многие события и факты проходят совершенно незаметно как для простого человека, так и для профессиональных историков. Минута — и она уже в прошлом, иногда оставляя подчас неразрешимый вопрос: как представить эту конкретную минуту в прошлом будущим поколениям людей? Иная участь уготована периоду с 1914 по 1920 годы, который оказался крайне тяжелым для многих народов и государств, что позволило некоторым современникам даже говорить о «закате» истории человека. В России в это историческое время мы имеем дело с крупномасштабной общенациональной катастрофой, которой нет равной в истории. Одно только перечисление тех трудностей, с которыми столкнулись наши соотечественники, займет слишком много времени, да и вряд ли оно будет полным, выделим лишь наиболее важные, с точки зрения современника, проблемы в его жизни. Это, прежде всего, удовлетворение элементарных социальных и физиологических потребностей, что позволяет человеку просто физически существовать. Одной из таких базовых потребностей является пища. Конечно, на сегодняшний день такая мысль может показаться абсурдной, но для современников, которые жили в состоянии перманентного голодания, пища, одновременно, и мечта, и та реальность, в которой приходится бороться за право на свое существование. Перед лицом жизненных невзгод остается только «выть» [1], поэтому не будем приуменьшать значение такого «приземленного» на первый взгляд фактора бытия человека, как еда. Человек засыпал с мыслью о еде. Она приходила во сне, воплощаясь

в виде грезы о «шумящем самоваре» и «горячих, запеченных булочках» [2]. После пробуждения желание покушать хоть что-нибудь, пусть самую грубую пищу, еще больше усиливается и неотступно преследует на протяжении всего светового дня. А вечером человек опять проваливается в голодный сон, в котором «снятся булочки».

Всеми людьми овладевает чувство повседневной апатии, безразличия, когда неважно как, но надо достать продукты. Евгения Петрова, советская служащая, оставила свое описание одного такого голодного дня (27 ноября 1919 г.). Утром, прежде чем отправиться на работу, она выпила горький суррогат-кофе без хлеба и сахара. Затем по сложившейся привычке она «который день лазает по шкафам и закоулкам, ища хлеба и чего-нибудь еще, чтоб только поесть». С большой долей уверенности можно предположить, что Е. Петрова делала это и ранее неоднократно, и ничего не находила. Начинается новый рабочий день, где «целый день-деньской сидишь на службе голодной и только и живешь мыслью, что вот-вот тебе принесут твой желанный паек хлеба и сотни раз вылетаешь на кухню смотреть, а скоро ли будут давать его. Но как получишь, так и съешь его одним махом, а потом только и ждешь окончания службы, чтобы куда-нибудь пойти пообедать». По дороге домой, проходя мимо обувного магазина, она останавливается, ведь сюда можно «смело зайти и спросить себе не обувь, а тарелку щей или кашу с молоком». «И вот вам вынесут мутноватую водичку и в ней плавают желтоватые листочки и эта водичка, называется щи, и жиденькую, жиденькую кашку. Заплатишь рублей 200 за обед, но все-таки есть хочется, и пошел бы в советскую столовую, но жизни не рад: там простоишь в очереди полдня: кто с

кастрюльками, а кто с мисками, на холоде стоят и мерзнут, ждут своей очереди. И от холода и голода, так и поплетешься домой на другой конец Москвы, еле передвигая ноги» [3]. Этот день повторяется завтра, послезавтра, и в нем что-то новое заключается лишь в порядковом номере дня. И так продолжается в течение нескольких лет...

Чем большее количество людей проживало в конкретном поселении, тем более острой становилась проблема обеспечения всех граждан достаточным количеством продовольствия. В этом плане особенно трудно пришлось крупным промышленным центрам; в России это, прежде всего, Москва и Петроград. В современной историографии применительно к городской жизни 1917-1920 гг. уже прочно утвердилось такое понятие, как «стратегии выживания», обозначающее методы получения отдельным человеком пищи. Существует несколько классификаций этих «стратегий» [4], можно предложить ещё одну, разделив их на личные и коллективные способы добывания продовольствия. За последнее десятилетие основное внимание ученых было приковано к «личным стратегиям», например, к мешочничеству, которым в условиях гражданской войны занимались или к которому опосредованно были причастны все граждане Советской России. Использование же массово-организованных форм питания, например общественных столовых, незаслуженно привлекает к себе гораздо меньший интерес исследователей. Вызывают дискуссию следующие вопросы: во-первых, степень организованности работы советских столовых. Во-вторых, качество обслуживания посетителей. В-третьих, характер тех житейских проблем, с которыми столкнулись конкретные заведения общепита. На материалах Москвы, вернувшей себе с марта 1918 г. статус первой столицы, можно представить полную картину складывания социальной инфраструктуры советского города, и, в частности, её важнейшего элемента — системы общественного питания.

Традиция общего потребления пищи появилась в России задолго до революции 1917 г., достаточно лишь вспомнить трактирный и ресторанный промысел второй половины XIX в. Рестораны в основном ориентировались на состоятельную публику, в то время как трактиры обслуживали более широкие демократические круги. Сходство между ними заключалось в том, что потребитель посещал их за свой счет, отличие состояло в цене и качестве заказываемых блюд и кушаний, а также в культуре обслуживания клиентов. Кроме этих двух основных организационных форм по совместному проведению досуга, в которых люди танцевали, вели деловые переговоры, играли в бильярд, в общем, присутствовали на празднике жизни, существовали и мелкие кафе, чайные, квасные, шашлычные и т.п. места, с ярко выраженной задачей накормить посетителя.

Новым в деле общественного питания становятся артельные столовые рабочих и служащих, появившиеся в 1880-е гг. в крупных российских городах. Они объединяли людей с примерно равным заработком, что в свою очередь обеспечивало относительно одинаковый, более дешевый

по сравнению с ресторанами и трактирами рацион [5]. Отчисляя часть своего ежемесячного дохода в пользу корпоративной столовой, человек каждый день обедал в специально отведенном фабрикой или заводом помещении. Такие столовые были закрыты для лиц, не являвшихся членами артели. Постепенно корпоративная форма организации завоевывала все большую популярность, особенно в годы мировой войны: к артельным заведениям добавились частные, а также благотворительные столовые, учрежденные органами городского самоуправления. В финансировании столовых, объединявших людей по профессиональному или иному признаку, помимо прямых паевых взносов, большую роль играли нетрадиционные источники дохода. Например, проведение общедоступных концертов, лотерей, аукционов поддержанных вещей, на которых можно купить или выиграть электрические лампочки, гравюры, открытки, живые цветы, отдельные продукты [6].

Материальные условия жизни в 1914-1918 гг., нараставший день ото дня продовольственный кризис объективно готовили почву для создания системы, которая охватила бы всех горожан. Первые шаги в этом направлении предпринимает Временное Правительство, утвердившее 22 июля 1917 г. «Положение о Московском городском Продовольственном комитете», в котором целью общественного питания провозглашалось «снабжение» и «правильное распределение» продуктов среди всего населения [7], что диктуется необходимостью «завтра не почувствовать полного отсутствия продовольствия» [8].

Последующая замена властной организации в октябре 1917 г. на социалистическую модель «справедливого государства» оставила без изменений задачу, заявленную ещё Временным Правительством. Более того, большевики рассматривали совместное питание в качестве одного из элементов коммуны, где имеется «справедливое распределение» всех предметов потребления. Такие коммуны должны были бы охватить путем самоорганизации, административной инициативы властей все уровни жизни горожанина: от дома, где субъект проводит утро, вечер и ночь и до того места работы или учебы, на котором человек находится днем. И, если чайные, организованные «сознательными» соседями в своем доме, так и остались на бумаге (по причине понятной заботы каждого современника только о себе и о своей семье), то советские (муниципальные) столовые, предназначенные для всего работающего или учащегося городского населения, стали фактом действительности и будущей исторической перспективы советского государства.

В Москве такая система официально появится 17 февраля 1918 г., с момента создания Комитета общественного питания при Продовольственном Отделе Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Первоначально его задачи были достаточно скромными. В 16 столовых, ранее принадлежавших Городской Думе, была организована выдача бесплатных обедов для безработных, беженцев из районов, захваченных немцами, солдат, находивших-

ся в Москве и некоторых других категорий населения. Москвичи и гости столицы активно откликнулись на эту форму социальной помощи, и вскоре бесплатные столовые перестали справляться с потоком посетителей. Также властям стало понятно, что в течение всего лишь нескольких недель затрачены колоссальные средства, что «благотворительность не уместна», что следует вводить элементы самокупаемости предприятий общепита. Свободный вход для всех горожан, открытие новых заведений питания обеспечили приток столь необходимых наличных денег [9]. Через пять месяцев число советских столовых достигнет уже около 100, обозначив явную тенденцию к дальнейшему росту их числа и сплошному охвату всех районов Москвы [10].

Система общественного питания строилась на «основах бездоходности, но и безубыточности». Это достигалось за счет перераспределения средств внутри самого городского сообщества, когда «прибыль получается по столовым, расположенным более к центру Москвы и потому обслуживающим более состоятельные слои, в то время, когда столовые, обслуживающие бедные кварталы окраин бесприбыльны, иногда убыточны» [11]. Плюс на минус в итоге дал ноль: отдельная советская столовая тратит наличные средства только на продукты, и не обладает возможностью вкладывать средства в амортизацию кухонного оборудования, ремонт помещений столовой, обустройство внутреннего пространства заведений и т.п. Если судить с позиции рядового человека, который оставил свои свидетельства о 1917-1920 гг., то следует признать благотворность подобной организации, потому что современник жил интересами сегодняшнего дня, о том, что будет завтра, задумывались мало, ведь надо ещё дожить до завтра. Поэтому как временная мера, вызванная условиями экстремального времени, такая система вполне имела право на существование. Но, если судить с позиции власти, которая по своей сути призвана задумываться о завтрашнем дне, то такая организация системы питания не может иметь оправдания, потому что она породила массу противоречий как внутренних, так и внешних.

Одной из первых крупных проблем в деле общественного питания стала нехватка свободных помещений, а также необходимого кухонного оборудования. Самый лёгкий способ добыть все это состоял в закрытии и реквизиции имущества дореволюционных заведений общепита. Масштабное пьянство горожан, особенно в первые месяцы утверждения «диктатуры пролетариата», представило, с одной стороны, необходимый предлог, а с другой, открыло широкое поле для деятельности по совершенствованию морального облика гражданина.

Производство в Москве спиртных суррогатов (самогона) не подчинялось никакому контролю. Население проявляло большую виртуозность, а главное, абсолютную аморальность в сокрытии данного факта. Например, вполне могли спрятать самогонный аппарат в кровати, где спал грудной ребенок [12], чтобы милиция, производившая

постоянные обыски, не нашла даже следов противоправных действий. Распитие же спиртного происходило в многолюдных местах, открытых круглосуточно, то есть в ресторанах и трактирах. По отношению к ним с конца 1917 г. начинается особая кампания «борьбы с тавернами». Постоянные облавы на трактиры, мелкие кафе, квасные, предпринятые в ноябре 1917 г., показали, что количество случаев производства или продажи спиртного в таких заведениях минимально. Как правило, клиенты приносили алкоголь с собой. Учитывая, что в числе посетителей были вооруженные красногвардейцы, сознательный пролетариат, также обладающий оружием, откровенно криминальный элемент, то владельцы «таверн» не могли предпринять никаких практических мер против распития. Показательным является заявление владельцев заведений трактирного промысла Хамовнического района г. Москвы, в котором они просят власти о защите как обслуживающего персонала, так и самих заведений от пьяных посетителей. «В настоящее время нашему трактирному промыслу приходится бороться с теми, которые приносят с собой различные суррогаты и распивают их в наших заведениях на глазах хозяина без всякого стеснения. А если хотя и хозяин делает им замечания и, прося их об удалении, на это они не обращают никакого внимания, а даже делают свои неприличные возражения по адресу хозяина заведения и даже доходит дело до скандалов» [13].

Советская власть оказалась неспособной принять эффективные меры против подпольного производства спиртных напитков, и пошла по другому пути борьбы с пьянством, закрывая частные заведения общепита. Кампания борьбы против «таверн» шла в течение всего 1918 г., но, в целом, она не решила проблем алкоголизма, и не представила достаточного количества помещений под столовые. В 1919 г. частные заведения, не только трактиры, но и артельные столовые рабочих и служащих, закрываются под предлогами борьбы со спекуляцией, недостаточной пропускной способности заведений и т.п. Постепенно это позволило более или менее унифицировать систему общественного питания, в которой к 1920 г. доминируют советские (муниципальные) столовые, открытые Комитетом общественного питания и районными Советами Рабочих и Красноармейских Депутатов г. Москвы.

Для горожанина, жившего в условиях революционных перемен, простая возможность работать в такой столовой, не важно, в каком качестве, считалась большой удачей. После введения продовольственной диктатуры в Советской России (май 1918 г.) обладание постоянным, а главное, законным доступом к продуктам могло обеспечить и личное выживание работника столовой, и относительный достаток его семьи. Естественно, что это, с одной стороны накладывало дополнительную ответственность, а с другой, порождало вполне конкретные соблазны. Например, соблазн что-нибудь украсть из съестных припасов. Случаи откровенного хищения продуктов в советской системе питания 1918-1920 гг. были широко распространены.

Например, в столовой № 1 по этой причине за один только месяц 1919 г. сменилось три заведующих, а её сотрудники получали то, «...что готовится и при Веселовском, и при Крамме, и при Спиридонове» [14].

Постоянные ревизии Финансово-Контрольных Отделов районных Советов Депутатов обнаруживали просто вопиющие факты злоупотреблений и заставляли сотрудников столовых действовать более искусно, как в организации хозяйства, так и в отношении отчетности. Достаточно привести наиболее характерные «дефекты». Значительная часть продуктов «усыхали, ужарились, упарились или просто неизвестно куда делись» [15]. 13 июля 1918 г. в одной из столовых на Воробьевых горах было установлено, что недостает 16 банок зеленого горошку. Желая восполнить эту недостачу, на следующий же день после ревизии проводится целая «операция» — уже 17 банок горошку выводится в расход [16]. Таких случаев злоупотреблений зафиксированы сотни по всей Москве, что позволяет говорить о системном пороке. На это накладываются вопросы неопределенности общей тары, средней нормы веса порций, системы оплаты обедов [17].

Все это не могло не сказаться на калорийности готовых к употреблению блюд, которая по подсчетам историков, была на порядок ниже нормы [18]. Над таким понижением профессионально работают не только советские столовые, но и продовольственные склады, с которых поступают продукты, а также непосредственные производители. Таким образом, конечное блюдо проходило как минимум три стадии фальсификации. Например, молоко, прежде чем поступить в город, разбавлялось непосредственно в деревне, что показывал анализ содержавшейся в нем воды [19]. Далее, на последующих стадиях движения молока к потребителю дополнительно снимались сливки, и шло повторное разбавление. Или другой пример фальсификации такого стратегического продукта питания, как хлеб. Данные за 1 день работы 5 хлебопекарен г. Москвы свидетельствуют об «исчезновении» порядка 200 пудов хлеба [20]. Готовый хлеб затем поступал на кухни столовых, где он уже непосредственно нарезался на порции таким образом, что до потребителя могла дойти вместо положенного куса весом $\square$ фунта лишь «горсть крошек». Это нарушение даже потребовало личного участия Московского Совдепа, установившего в январе 1919 г. норматив «раскрошки» — 3 фунта на 1 пуд хлеба [21].

О подобных нарушениях знали достаточно многие, кто непосредственно занимался продовольственным вопросом. «Корни» уходили далеко наверх, напрямую в Продовольственный Отдел Московского Совета и в профсоюз работников пищевой промышленности. За общее положительное молчание практиковался отпуск товаров служащим Продовольственного Отдела «по цене ниже продажной», а также специальные пайки для членов профсоюза [22]. Поэтому, если даже конкретного, мелкого по рангу, нарушителя «ловили за руку», в худшем случае ему грозило лишь увольнение, а, как правило, все заканчива-

лось административным взысканием. Факт сознательной порчи продукта всегда было трудно доказать, искусность советских пищевиков в этом плане поистине не знала границ. В столовой № 9 в 1919 г. произошла кража продуктов, при ближайшем расследовании появились разумные подозрения: была ли кража? Материалы следствия больше убеждают в инсценировке ограбления при отсутствии сторожа и разбросанных повсюду продуктах, которые даже не значились в накладных столовой [23]. Или другой пример, в чайной № 23 появляется совершенно особый тип пищевого, который путем совмещения нескольких должностей «просит себя отпустить себе же разные продукты» [24].

Отдельно следует отметить организацию обслуживания посетителей заведений общепита. Новые советские столовые, появившиеся в период 1918-1919 гг., по большей части открывались в помещениях, которые не были специально предназначены для сферы услуг: это бывший жилой сектор, перешедший в ведение районных Советов Депутатов по итогам муниципализации недвижимости в Москве (декабрь 1917 г.). Характерное указание на внутреннее пространство такой столовой, организованной в бывшей квартире: «Много грязи и громадные неудобства при скоплении посетителей. Единственной вентиляцией являются форточки, что при наличии громадного количества пара кухни и большой тесноты в помещениях для посетителей совершенно недостаточно. Стены мокрые, воздух парен и удушлив, уборные, источающие зловоние и инфекции, находятся в недопустимой близости с кухней или помещением для обедающих. Кухни большей частью тесны. Нет отдельных комнат для чистки овощей, мытья посуды, для стирки белья, от чего кухня содержит грязной, белье сушится над котлами с пищей, мокрый пол покрыт очистками и отбросами. Одежда служащих развешана над столами, над плитой и прочее. Продукты, например мясо, хранятся в кладовых прямо на полу. Овощи в сырых подвалах, за отсутствием вентиляции, гниют и гибнут. Почти всюду недостаточен инвентарь. Не хватает посуды и даже столов. Обедающие ждут очереди в бесконечных хвостах» [25]. Учитывая, что пропускная способность столовой начиналась от нескольких сот человек и часто доходила до тысячи, можно предположить постоянные давку и ругань, характерные спутники любой очереди.

Другой проблемой становилось отсутствие специально подготовленного обслуживающего персонала. В столовую часто попадали случайные люди, рассматривавшие ее как один из способов обеспечения своего существования. Специальные теоретические и практические курсы [26], организованные Продовольственным Отделом Московского Совета для заведующих столовыми, их помощников касались лишь правил ведения кассовых книг, составления отчетности и прочих хозяйственных вопросов. Никаких курсов по повышению культуры обслуживания посетителей не было. В столовой им. Чернышевского на Садовниках была введена система самообслуживания: «Публика сами наливают кипятки, за который можно думать не всегда

уплачивается по причине недосмотра, и моют себе посуду. Возле печки сидит буфетчица, принимающая талоны и тут же происходит выдача обедов. При выдаче обеда и чая посетители испытывают страшное неудобство, так как приходится самим искать посуду, самим мыть ее или приносить свою. Посетителям под залог выдаются только ложки и стаканы, а миски, верхней полоскательницы, всякий может брать и действительно берет после откушавшего соседа. На этой почве происходят частые недоразумения даже в самой публике между собой, не говоря о столкновениях со служащими» [27]. Чем в это время занимаются б посудомоек и 13 уборщиц — не совсем понятно. Такая культура обслуживания вытекала и из временного принципа организации работы заведений общественного питания. Если ресторанный и трактирный промысел ориентировался на посетителя, на время его прихода и отъезда, то в советской столовой строго определено время работы — 3-4 часа во второй половине рабочего дня [28]. Кто не успевал посетить столовую в это время, рисковал вовсе остаться без обеда.

О том, в каком тоне разговаривали служащие столовых с посетителем, и наоборот, можно только предполагать, причём не самое хорошее. 28 мая 1918 г. проходило совместное заседание Комитета общественного питания и служащих столовых по совершенно отвлечённому вопросу — организация Отдела труда при Комитете. «Лучшие представители» служащих занимались «самой разнузданной демагогией» по адресу власти, говорили «о большевиках, разъезжающих на автомобилях и давящих людей, точно эти всякие, как их там, депутаты из Националя», «о 58 юристах, служащих в Комитете и не отличающих щей от борща» [29] и т.п.

Потенциально, при правильной постановке дела, советские столовые могли стать не только местом, где потребляют пищу, но и культурным заведением. Советский анекдот той поры «о правилах хорошего тона»: «Допустим, приходят гости, — что должен делать современный хозяин? Прежде всего, конечно, надлежит руководствоваться народной мудростью, а последняя гласит: «Незванный гость хуже татарина», следовательно, гнать его в шею. Я говорю о незваных гостях, ибо званых не бывает теперь. А если бы таковые и оказались, то все равно не застали бы хозяйина дома, так как безумец, пригласивший гостей, срочно был бы отправлен родными под названием «миллионера-оригинала» в какой-нибудь музей, в исторический отдел и демонстрировался бы между настоящим калачом и «бруттовским» рублем» [30].

Гостей не ждали, а если они и приходили на чай, то обязательно со своим сахаром [31]. Поэтому единственным местом, где встречались друзья и знакомые, становились общественные столовые. В источниках есть указание о планах советской власти создать столовые-читальни, где

люди могли бы приобщиться к прекрасному миру книги. Это должно было бы благотворно сказаться на моральном облике строителя коммунизма, когда «каждый рабочий некоторое количество времени будет работать у станка, затем, может быть, будет подметать улицы и известное количество времени работать во всех учреждениях. Думаем, что тогда у нас будут тысячи тов. Лениных, которые половину рабочего времени будут заниматься политикой, будут писать и половину подметать улицы» [32]. Казалось, что для этого нужно просветить рабочих, дать ему необходимое знание. В течение первых лет советской власти по всей Москве было создано всего лишь несколько таких столовых-читален, где люди могли просто поговорить друг с другом, или что-нибудь почитать. Действительность же была более прозаичной: внутри столовых разносчики торговали папиросами, которые тут же потреблялись на месте, о чем свидетельствовали окурки, брошенные на пол и заплывающие стены. Активным спросом пользовались и слабоалкогольные напитки. В рабочей столовой им. Б. Борохова только за один летний месяц 1919 г. было выпито 180 ведер пива, что заставляло администрацию столовой постоянно подкупать столь необходимый напиток [33]. Кроме того, широкое распространение получают игральные карты [34], и посетитель в порыве азарта мог вполне проиграть свой скудный обед¹.

Система общественного питания затронет не только взрослое население городов, но и детей, как находящихся на попечении родителей, так и лишенных опеки. Традиционно историография рассматривала введение бесплатного школьного питания как проявление личного гуманизма большевистских лидеров. Но были и более прагматичные соображения, ведь «много битв еще впереди, много еще нужно усилий, много еще нужно новых кадров сознательных борцов советского движения» [35].

Первые школьные столовые появились еще до революции 1917 г., и содержались на отчисления родителей учеников. Учитывая, что классическое среднее образование могли обеспечить только состоятельные родители, школьные столовые получали от них значительные средства, что напрямую отражалось на качестве рациона. В ноябре 1917 г., в разгар революционного хаоса, ученица одной из московских гимназий, Вера Исаева, в письме к матери описала свой обед: «Сегодня у нас особенно вкусный обед был. Только было всего по малу, и никто не наелся. Утром, значит, был чай, а к обеду был суп из пшеничной крупы, с четвертинкой хлеба (¼ фунта — А.Ф.). На второе — по одной небольшой котлетке из селедок и к ним какие-то клецки из муки и сала. А на третье — по одной маленькой оладьи из яблок» [36]. Можно признать, что в условиях продовольственного кризиса обед вполне сносный, хотя, естественно, никаких гарантий, что завтра он повторится, и, может быть, будет еще лучше, не было.

¹ В 1920 г. самым «популярным» блюдом, в смысле частоты приготовления, являлась картофельная запеканка либо вегетарианский суп из картофеля.

Заявленный новой властью равный доступ к образованию, разрушил сложившуюся систему школьного питания, в первую очередь, в плане финансирования данных заведений. Семьи рабочих по объективным или субъективным соображениям отказались принять на себя основную функцию оплаты школьных обедов. Следовательно, содержание формально бесплатных столовых легло на плечи всех горожан, даже тех, у кого не было детей школьного возраста. Финансирование обеспечивалось путем введения новых налогов в пользу созданного Фонда детского питания. Например, 19 июня 1918 г. Президиум Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов утвердил проведение «Детского дня». В течение месяца каждая московская семья была обязана внести порядка 15-50 руб. на счет Фонда, в противном случае, за каждый день просрочки платежа начислялось 2% пени [37]. В случае просрочки примерно на полтора месяца сумма удваивалась. Если и эта карательная мера не действовала, то помогали административные методы: удержание заработной платы (сумма выросшего в 2 раза налога могла «съесть» порядка 15-25% заработка среднего советского служащего), либо вмешательство домовых комитетов жильцов и органов правопорядка (такой действенный способ заставить уплатить налог, как реквизиция имущества).

Не все граждане могли уплатить налог, были и многодетные семьи, и одинокие престарелые, и находившиеся на иждивении инвалиды, и безработные, что заставляло власти действовать достаточно жестко — ряд обращений москвичей о сложении налога в пользу детского питания остался без ответа, в лучшем случае списывалась 2% пеня. Иногда население даже не понимало, на что идут деньги. Например, служащие Даниловского участка Московского народного суда перечисляют деньги в фонд «бедных детей», то есть детей, оставшихся без попечения родителей [38]. Принимая во внимание, что служащие суда по роду занятий должны были знать, на что пойдут деньги, то рядовые горожане могли воспринимать налог в качестве очередного займа на нужды революции. В записке председателя домового комитета домов № 45 и № 46 по Хамовнической набережной сообщалось: «В том, что когда был сбор в Фонд детского питания, указываем Вам лиц, которые протестовали против этого. Они сами не хотели платить и другим не велели. С большим трудом удалось уговорить, остальные платили без протеста. Перов Иван не признает комитета и говорит, что комитет не справедливый. Петрова Матрена сказала, я не заплачу, товарищи сами за меня заплатят. Грищенко Исайя протестует против власти. Юренин Иван, бывший городской, протестует против тоже» [39]. Сколько таких мелочных склок было по всей Москве трудно сказать, но общий мотив понятен: далеко не все желали принимать участие в содержании «чужих» детей.

Проведение «Детского дня» даст на нужды 200 тысяч маленьких москвичей около 9 млн. руб. В условиях ежедневной инфляции можно признать, что сумма незначительная и, наверняка, её не хватит до конца учебного года. Власти

побоятся вводить еще один прямой налог в пользу детского питания, и перейдут на косвенное обложение. Введены следующие налоги: на холостяков и девиц (в 1919 г. небывалый по сравнению с 1917 г. рост числа брачующихся), на буржуазию (с осени 1918 г. выселены за пределы Москвы), на билеты в кинематографы и театры; также проводятся ежемесячные детские лотереи (выиграть в которую мало кто надеется). Несостоятельность попыток введения бесплатных школьных обедов становится очевидной уже в октябре 1918 г., когда все дети были поделены на пять категорий. Бесплатные обеды получают лишь дети до 14 лет, оставшиеся без попечения родителей (около 10 т.ч.). Для содержания других категорий была восстановлена прежняя практика оплаты обедов родителями — от 25% до 100% себестоимости в зависимости от имущественного положения семьи и количества в ней детей. Властями признаются определенные финансовые затруднения в организации детского питания: «...в первую очередь мы должны удовлетворить детей I и II категории, как наиболее беспомощных. Затем следуют III и IV категории: причем, если нельзя удовлетворить их целиком, то на половину или хотя бы на четверть. Это значит, что если мы не в состоянии прокормить помимо I и II категории детей III категории, то *будем кормить по 1 ребенку из каждой семьи этой категории* (курсив мой — А.Ф.)» [40].

Дети в Советской России были переведены на «усиленное питание», что диктовалось потребностями физического и умственного развития, поэтому в школьные столовые с продовольственных складов отпускались такие дефицитные продукты, как сметана, масло, сыр и др. (конечно, когда они были в наличии). Может возникнуть ощущение, что детей в период 1918-1920 гг. в школу или детский сад привлекает не тяга к знаниям, не радость общения со сверстниками, а простое, совершенно законное желание хоть немного поесть. Если говорить о степени престижности работы в советской системе питания, то детские заведения, с одной стороны, занимают совершенно особое место. С другой стороны, трудно представить себе более незащищенную категорию населения, чем дети, и некоторые совершенно бессовестным образом этим пользовались. Акт контрольного обследования от 16 января 1919 г. Петровско-Серпуховского училища № 45 показал, что на кухне в этот день готовился суп из чечевицы: «... сварен на воде с кореньями без признаков масла, между тем в этот день, по словам заведующего, было отпущено 1½-2 фунта сливочного масла. На кухне обнаружены куски сливочного масла (½ фунта), по заявлению кухарки, предназначенные для учительского персонала, последний пользуется, между прочим, пайком учащихся. Поступило заявление учащихся о скверном отношении заведующего: от последнего они получают побои, а также пользуются скверным столом, и в особенности очень редко получают хлеб» [41]. Избежать ответственности таким заведующим «помогали» сами дети, которые расписывались в получении продуктов, а иногда даже ведали отчетностью [42].

Данные по Замоскворецкому району г. Москвы свидетельствуют, что продукты на бесплатные обеды детей отпускались далеко не в полном объёме [43], что заставляло их самих заботиться о своем пропитании. Дети чувствуют безразличие взрослых по отношению к себе, и то, что их часто рассматривают в качестве обузы. Подрастает целое поколение, у которого нет детства, разрушены «все юношеские планы» [44]. Абсолютно уникальным источником по социальной истории России периода 1917-1920 гг. являются ученические сочинения, бережно сохранённые одним из московских учителей. Написанные в жанре эссе по актуальнейшим вопросам текущего дня, сочинения ярко обрисовывают повседневную жизнь горожанина в условиях революции и гражданской войны. Средний возраст авторов — 16 лет, они учащиеся II ступени единой трудовой школы, продолжающие получать базовое образование, одновременно при этом, работая в местах, где могла пригодиться грамотность. Каждый из них уже сложившаяся личность со своим мнением и пониманием смысла жизни,

что является прямым следствием современных им материальных и духовных условий бытия.

При всей неповторимости описываемых фактов и явлений, яркости суждений авторов, во всех сочинениях есть общий лейтмотив. Самой главной проблемой своего существования на фоне голода и холода подростки считают то, что «люди превращаются в зверей» [45], «в гиен или шакалов в пустыне» [46]. Основные вопросы ежедневного существования человека для них очевидны. Как жить? Где жить? Чем жить? И им уже самим приходится отвечать на эти вопросы, ведь окружающая их жизнь — «...муравейник, который кто-то взял и пошевелил невидимой палочкой. Муравки-люди забегали, засуетились от неожиданности, каждый думает о том, как бы получше устроить свою жизнь, как бы достать дрова, где бы найти себе пропитание, чтобы вновь жить так, как жили до невидимой палочки» [47].

Детей до 14 лет не могли принять на официальное место работы, поэтому они пополняли ряды уличных торговцев-разносчиков. Такой ребенок «...отправляется в

Таблица 1. Продуктовая норма на 1 ребенка в месяц (1919 г.)

Название продукта	Норма (в фунтах)	Выдача (в фунтах)
Хлеб	15	7,5
Грибы	0,25	0,03
Жиры	0,98	0,3
Мясо или рыба	4,7	0,5
Крупа	3,2	0,35
Макароны	1,98	0,25
Картофель	30	0,9
Капуста	0,6	0,6
Итого пищевых продуктов в месяц	57,7	9,99

«Судпродком», то есть, на Сухаревку и начинает свою работу: сначала помаленьку, так что еле выручает свои деньги, но через некоторое время из него выходит маленький спекулянтчик. Он уже смело выходит на базар с мешком на спине, бойкий, немного нахальный, с вызывающим взглядом и кричит: «Мыло, спички, табак, махорку покупаю!» Оглядываешься на такого ребенка, покачаешь головой и проходишь, как будто, это так и должно быть, и что учиться не время, когда надо кушать, ибо «кто не работает, тот не ест». Что может получиться из этого и подобных элементов для свободной России?» [48].

Таким образом, в 1917-1920 гг. каждый человек, независимо от возраста, поставлен перед фактом самостоятельной заботы о себе. Взаимное безразличие, преобладание материальных факторов бытия обостряли звериные, по своей сути, инстинкты: добыть пищу, найти подходящее жилище, где можно переночевать в относительной безопасности. Проводить какую-либо взвешенную социальную политику в таких условиях, было крайне трудно: какие бы меры не предпринимала новая советская власть, на все накладывал-

ся общий негативный социальный контекст. Создание системы общественного питания означало то, что горожанин получил еще один, официальный источник пополнения своей продовольственной корзины. С другой стороны, организационные принципы этой системы, базирующиеся на перераспределении материальных источников внутри городского сообщества, приводили к нивелированию условий жизни. Постепенно все горожане становятся одинаково бедными людьми, не видевшими перспектив в своем настоящем и обозримом будущем. Такое самоощущение накладывало отпечаток и на повседневную жизнь рядового человека, и на материальные структуры, которые его окружали, в частности общественные столовые. Если говорить о какой-либо особой ментальности «советского человека», формирующейся на протяжении последующих десятилетий советской истории, то надо признать, что ощущение послереволюционной апатии прочно войдет в подсознание такого человека, периодически обостряясь и приводя к внутренним кризисам в обществе.

Библиографический список

1. Центральный музей-архив личных собраний (далее — ЦМАЛС). — Ф. 68. — Оп. 2. — Д. 68. — Л. 3, 3об.
2. Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). — Ф. 454. — Оп. 3. — Д. 51. — Л. 67.
3. Там же. — Л. 53 об, 54.
4. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. — М., 2001. — С. 20-27.
5. Польский М.П. Советская продовольственная политика в переходный от капитализма к социализму период. Проблемы организации питания населения. Авт. дисс. ... д. и. н. — М., 1985. — С. 34.
6. ОПИ ГИМ. — Ф. 454. — Оп. 1-2. — Д. 119. — Л. 457, 458, 459.
7. Год работы Московского городского Продовольственного комитета (март 1917 г. — март 1918 г.). — М., 1918. — С. 32.
8. ОПИ ГИМ. — Ф. 454. — Оп. 1-2. — Д. 75. — Л. 1.
9. Центральный Государственный архив Московской области (далее — ЦГАМО). — Ф. 66. — Оп. 1. — Д. 61. — Л. 116.
10. Там же. — Л. 78.
11. Там же. — Л. 73 об, 117 об.
12. Центральный архив г. Москвы (далее — ЦАГМ). — Ф. 1514. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. 6 об.
13. Там же. — Л. 5.
14. Там же. — Ф. 2485. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 15 об.
15. Там же. — Л. 22 об.
16. Там же. — Л. 25.
17. Там же. — Л. 22 об.
18. См.: Ильяхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. — М., 2007. — С. 45.
19. Врачебно-санитарная хроника Москвы. — 1918. — № 1. — С. 7.
20. ЦАГМ. — Ф. 2485. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 16.
21. Там же. — Ф. 1616. — Оп. 3. — Д. 26. — Л. 2.
22. Там же. — Ф. 2485. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 308.
23. Там же. — Ф. 1616. — Оп. 3. — Д. 54. — Л. 86.
24. Там же. — Л. 27.
25. Там же. — Д. 26. — Л. 3.
26. Там же. — Оп. 2. — Д. 129. — Л. 11.
27. Там же. — Оп. 3. — Д. 39. — Л. 58 об.
28. Там же. — Ф. 1514. — Оп. 1. — Д. 24. — Л. 18, 19.
29. ЦГАМО. — Ф. 66. — Оп. 1. — Д. 61. — Л. 105.
30. Тульская молва. — 1918. — 18 мая.
31. ЦМАЛС. — Ф. 69. — Оп. 1. — Д. 156. — Л. 8.
32. ЦАГМ. — Ф. 2485. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 44.
33. ЦГАМО. — Ф. 6349. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 24, 25, 33, 37, 41, 43.
34. ЦАГМ. — Ф. 1616. — Оп. 3. — Д. 54. — Л. 11.
35. Еженедельник Замоскворецкого Совета Р. и К. Д. — 1918. — № 1. — С. 2.
36. ЦМАЛС. — Ф. 69. — Оп. 1. — Д. 156. — Л. 10.
37. ЦАГМ. — Ф. 1514. — Оп. 1. — Д. 73. — Л. 1.
38. Там же. — Д. 80. — Л. 172.
39. Там же. — Л. 87.
40. Продовольственное дело. — 1918. — № 36. — С. 13.
41. ЦАГМ. — Ф. 1616. — Оп. 3. — Д. 54. — Л. 5.
42. Там же. — Л. 28.
43. Там же. — Оп. 2. — Д. 28. — Л. 245.
44. ОПИ ГИМ. — Ф. 454. — Оп. 3. — Д. 51. — Л. 5 об.
45. Там же. — Л. 32.
46. Там же. — Л. 48.
47. Там же. — Л. 42.
48. Там же. — Л. 74.